

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Л.Е. Кесельман, М.Г. Мацкевич

СЛЕПОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ НАРКОТИКАМ НЕЭФФЕКТИВНО

Знакомство с наркотиками является прерогативой поколений, социализовавшихся в последние 10–15 лет, и почти не затронуло образ жизни людей, социализовавшихся в доперестроечное время. Реальный уровень наркотизма определяется, в первую очередь, характеристиками жизненных навыков и ценностного сознания социализирующихся поколений, а не статистикой тактических успехов правоохранительных органов, принявших на себя функции центра всей антинаркотической деятельности. Четыре пятых тех, чей нынешний образ жизни включает в себя более или менее регулярное употребление тех или иных наркотических средств в немедицинских целях, впервые встретились с ними в возрасте до 17 лет. Защитив от раннего знакомства с наркотиками эту относительно немногочисленную социальную группу, общество может закрыть основную брешь, через которую они вторгаются в нашу жизнь. Непременным элементом этой защиты является организация регулярного получения достоверных данных о социальных координатах и динамике молодежного наркотизма.

Существует бесконечное количество «свидетельств» озабоченности российского общества угрозой его наркотизации. Наркотиками постоянно озабочены средства массовой информации; с их нелегальным оборотом борются силовые органы: МВД, ФСБ, ФПС и прокуратура. В борьбу с надвигающейся угрозой вовлечены быстро растущие структуры местных административных органов. С наркоманией борются наркологические центры и Министерство здравоохранения; сюда же подключается большое количество различных коммерческих организаций. В противостояние наркотикам вовлечена армия учителей, администрация школ и другие структуры Министерства просвещения; свои антинаркотические программы появились у Православной церкви и иных религиозных конфессий; в борьбу с наркотиками вступают все новые общественные организации. Постоянно растет число аналитических публикаций, демонстрирующих вклад в борьбу с наркотизмом научного со-

общества. Наступление наркотиков пытаются остановить наши законодатели, разработавшие в последнее время десятки специальных законопроектов. Угрозам наркотизации посвящаются заседания Правительства и специальные постановления Совета Безопасности и Президента.

И на этом фоне — непрекращающиеся сообщения о росте наркотизма и никаких свидетельств о том, что потребление наркотиков в каком-то регионе или стране в целом хотя бы приостановилось в своем росте. В лучшем случае, можно узнать, что где-то захвачена очередная «крупная партия наркотиков», но при этом отечественные силовые органы изымают за год 50–60 тонн различных наркотических средств [1, с. 30], а только по одному Памирскому тракту (Хорог — Ош) в страну ежегодно поступает до 1500 тонн наркотиков, т.е. в 25 раз больше изымаемого [1, с. 35]. Как признают сами представители МВД, им удастся перехватить не более 10% всех наркотиков, поступающих на нелегальный рынок, а 9/10 всего нелегального оборота наркотиков по-прежнему достигает потребителей. В конечном счете, линии роста затрат на борьбу с наркотиками и численности потребителей наркотических веществ оказываются, в принципе, параллельными [2]. При этом, несмотря на постоянно растущий поток антинаркотических публикаций и выступлений, наркотизм продолжает оставаться одной из наиболее мифологизированных сторон не только общественного, но и профессионального сознания [3].

Следует различать борьбу с собственно наркоманией, осуществляемую, главным образом, органами здравоохранения; борьбу с нелегальным производством и распространением наркотиков, реализуемую силовыми структурами; и профилактику наркотизма, осуществляемую на этапе формирования ценностно-нормативных структур личности (ее социализации) не только в семье, но и при участии соответствующих социальных систем и организаций просвещения и образования [4]. Однако, как вынужден был признать на своем заседании в сентябре 2001 г. Совет Безопасности, «силовые и запретительные способы решения этой сложной социальной проблемы преобладают над профилактикой и предупреждением, а уголовные и административные наказания — над лечением и реабилитацией больных наркоманией» [5]. Как и прежде, «на государственном уровне приоритет решения проблемы наркотизма и наркомании отдается правоохранительным и медицинским органам, чьи способы реагирования обычно не выходят за рамки карательных и принудительных мер. При этом профилактике наркомании отводится второстепенное место» [6]. На попытки силового решения этой проблемы уходит львиная доля всех ресурсов, выделяемых обществом на противостояние наркотикам, а скольконибудь надежная информация о реальных масштабах наркотизма в стране по-прежнему отсутствует. «Продолжающееся ухудшение наркоситуации свидетельствует о том, что задачи государственной политики в этой сфере, определенные Федеральным законом "О наркотических средствах и психотропных веществах" от 8 января 1998 г., остаются невыполненными» [5].

Как свидетельствуют данные проведенных в 2000 г. 2,5 тысяч уличных интервью, 81,5% жителей Петербурга «никогда не пробовали» наркотических веществ в немедицинских целях. Остальные — 18,5% — обнаружили ту или иную степень причастности к опыту применения наркотиков [7, с. 25]. Однако само по себе знакомство с каким-нибудь наркотическим средством не может служить основанием для отнесения человека к наркозависимым и уж тем более к наркоманам. От трети

до половины общего числа знакомых с наркотическими средствами составляют те, чье знакомство с ними ограничено одним-двумя случайными эпизодами. Иначе говоря, те, в чьей жизни наркотики действительно *занимали или занимают* сколько-нибудь заметное место, составляют лишь около половины, в худшем случае — до двухтретей общей численности тех, кто хотя бы однажды имел опыт их применения. В свою очередь, *актуальные* потребители наркотических средств (т.е. те, кто прибегает к ним с той или иной регулярностью и в настоящее время) составляют лишь около половины всех их *неслучайных* (неоднократных) потребителей и примерно четвертую часть всех когда-либо пробовавших наркотики в немедицинских целях. Именно эта четверть (максимум — треть) всей совокупности имеющих опыт пользования наркотическими веществами обозначает степень действительного поражения, которое наносят наркотики обществу в настоящее время.

Особо отметим, что вопреки широко распространенной версии о крайней сложности (почти невозможности) отказа от наркотиков (выхода из наркотической зависимости) после их относительно регулярного (многократного) употребления, не менее половины общей численности всех неслучайных потребителей наркотиков составляют бывшие относительно активные потребители, чье увлечение ушло в прошлое. Это обстоятельство необходимо подчеркнуть не для того, чтобы обосновать представление о безобидности приобщения к наркотикам (чего опасаются сторонники «ослепляющей» антинаркотической пропаганды), а для того, чтобы поиск защиты от угроз активного наркотизма опирался на реальные факты, а не на картины, рожденные воображением, охваченным паническим ужасом.

Общий уровень приобщенности к наркотикам в различных социальных группах имеет свою отчетливо выраженную специфику. При общем показателе для Петербурга 18,5%, у мужчин он составил 28,5%, а у женщин — 10,5%, то есть примерно втрое меньше (в Самарской области при общем показателе 13,5% у мужчин он составлял 22,7%, а у женщин — лишь 6,3%, т.е. почти вчетверо меньше). Подобное соотношение характерно и для наиболее приобщенного поколения. В Петербурге у мужчин в возрасте до 25 лет показатель общей приобщенности достигает 70%, тогда как у их сверстниц он находится в пределах 25–30% (в Самаре у мужчин было 43% против 16,5% у женщин) [7, с. 38–40, 44].

Молодые люди в возрасте до 30 лет составляют около четырех пятых (79%) всех *актуальных* потребителей наркотиков, то есть тех, чей нынешний образ жизни включает в себя более или менее регулярное употребление тех или иных наркотических средств в немедицинских целях. При этом на долю тех, кто моложе 25 лет, приходится три пятых (59%) всего сообщества актуальных потребителей наркотических средств. *Около половины* этого поколения (людей моложе 25 лет) хотя бы однажды употребляли какие-либо наркотики. Этот показатель находится примерно на том же уровне, который на протяжении двадцати пяти лет ежегодно регистрируется общенациональным исследованием «Мониторинг будущего» (Monitoring the Future Study) у выпускников средних школ Соединенных Штатов. Среди американских выпускников количество хотя бы однажды пробовавших наркотики, изменяясь в период с 1975 г. в пределах между 41% (в 1992) и 65,5% (в 1981), составляло в 2000 г. 54% [8, р. 94, 97].

Известно, что юношеский нонконформизм является одним из наиболее действенных механизмов личностного самоутверждения в этом переходном возрасте. По-

этому прямое запрещение и преследование может невольно стимулировать интерес к наркотикам, демонстрирующий личностную независимость от взрослых. Важнейшим механизмом выработки у молодого человека антинаркотической установки является не столько специальное внушение ему негативных представлений о наркотиках, сколько формирование у него позитивной установки на реализацию долговременной жизненной программы, важнейшим элементом которой является наличие определенной профессиональной ориентации. При этом степень приобщенности молодежи к наркотикам определяется не столько их предложением (доступностью или недоступностью), сколько сравнительно ограниченным спросом, обусловленным соответствующими установками. Иначе говоря, *нынешний уровень наркотизма определяется, главным образом, собственными характеристиками ценностного сознания молодежи, а отнюдь не статистикой тактических успехов правоохранительных органов, принявших на себя функции центра всей антинаркотической деятельности.*

В России знакомство с наркотиками является по преимуществу прерогативой поколений, социализировавшихся в последние 10–15 лет, и почти не затронуло образ жизни людей, социализировавшихся в доперестроечное время. Поэтому численность тех, кто имеет опыт хотя бы однократного употребления наркотических средств, в ближайшие 5–10 лет должна приблизиться к показателю степени знакомства с наркотиками нового поколения россиян, т.е. вырасти примерно вдвое. Это, однако, не тождественно общему росту активного, актуального наркотизма населения, что означает увеличение численности относительно регулярно потребляющих наркотики, а не численности ограничивающих свою связь с наркотиками несколькими случайными «дегустационными» эпизодами. Более того, не исключена такая ситуация, когда общее расширение круга знакомых с наркотиками будет сопровождаться сужением круга их постоянных (актуальных) потребителей.

Такое развитие ситуации невозможно на путях прямого запретительства, невольно романтизирующего применение наркотиков в немедицинских целях и служащего закреплению за наркотизмом функции внутригрупповой и «поколенческой» солидарности. Учет реальных обстоятельств нынешнего положения с наркотиками требует не запрета различных форм деструктивного поведения, а осознанных действий по внедрению в ценностно-нормативную систему представлений о престижности здорового образа жизни. Только такой подход, как свидетельствует опыт стран, достигших реальных результатов в борьбе с наркотизмом, позволяет добиться заметного снижения численности злоупотребляющих алкогольными напитками, курящих и употребляющих наиболее опасные для здоровья наркотики.

Наиболее критическим, представляющим особый риск при наркотических соблазнах, является период перехода от подросткового возраста к юношескому. В возрасте до 16 лет (включительно) знакомится с наркотиками практически половина всех когда-либо пробовавших их, а до 20 лет с наркотиками успевают познакомиться почти девять десятых молодых людей, знакомых с ними. В целом, если до 20 лет человек устоял перед соблазном знакомства с миром наркотиков, то вероятность хотя бы случайного, эпизодического знакомства с ними снижается практически на порядок.

Еще меньше в этом случае риск вовлечения человека в периодическое или регулярное потребление. Почти *четыре пятых* всех актуальных потребителей нар-

котиков (тех, чей нынешний образ жизни включает в себя более или менее регулярное употребление тех или иных наркотических средств в немедицинских целях) впервые встретились с ними в возрасте до 17 лет. В том числе, у двух третей всех *актуальных* потребителей это произошло в возрасте между 15 и 17 годами. Лишь *один из восьми* сохраняющих наркотики в своем образе жизни познакомился с ними после того, как ему исполнилось 18 лет, а познакомившихся с наркотиками после 20 лет среди их *актуальных* потребителей менее 3%. При этом три четверти всех *актуальных* потребителей наркотических средств составляют мужчины.

С учетом этого, проблема защиты всего российского общества от надвигающейся угрозы наркотизма и наркомании может быть решена даже в условиях крайне ограниченных социальных ресурсов. Сделать это можно путем концентрации имеющихся средств на относительно узком социальном пространстве: общество должно приложить максимум усилий для минимизации соблазнов знакомства с наркотиками, хотя бы юношей в возрасте между 14 и 17 годами. *Защитив эту относительно немногочисленную социальную группу, общество автоматически закрывает основную брешь, через которую в его жизнь вторгаются активный наркотизм и наркомания.*

При этом юноши, отвергнувшие наркотические соблазны, неизбежно изменяют ориентир «престижного поведения» для мальчиков из младших классов, стремящихся, как правило, подражать им, а значит, этим решается задача защиты не только старшеклассников, но и следующих за ними возрастных когорт. Одновременно с этим юноши, отвергнувшие наркотики, перестают провоцировать попробовать их своих сверстниц, чье знакомство с наркотическими средствами и особенно вовлечение в относительно постоянное употребление их почти никогда не обходится без того или иного «мужского участия» [9]. Таким образом, отвлечение от соблазна знакомства с наркотиками относительно немногочисленной в каждый данный момент группы юношей, обучающихся в старших классах, и их сверстников, находящихся вне стен средней школы, помогло бы защитить от активного наркотизма основную часть подрастающего поколения.

Внешняя простота предлагаемой схемы не означает практической простоты решения проблемы наркотизма. Известно, что тот или иной социальный процесс или задача имеют возможность реализоваться лишь при наличии в обществе относительно сильного социального слоя или групп, объективно заинтересованных в этом. Однако значительная часть тех, кто в соответствии со своим функциональным статусом участвует в различных антинаркотических акциях и программах, по существу не заинтересованы в действительном отвлечении от наркотических соблазнов большинства, а тем более, *всех* потенциальных потребителей наркотиков. Ни нынешнее чиновничество, ни другие социальные группы, формально приставленные к защите общества от наркотической угрозы, не обладают не только объективным интересом для этого, но зачастую лишены и субъективных мотивов для эффективного решения этой задачи. К тому же, как показывают специальные исследования, в профилактике наркотизма отсутствует связь между субъектами социальной политики различного уровня.

Не может быть объективно заинтересована в существенном снижении, тем более в полной ликвидации наркотизма и наркомании значительная, постоянно растущая группа административных работников, приставленных к решению этой про-

блемы. Непрерывно увеличивающийся объем социальных ресурсов (среди них далеко не одни лишь финансовые), которые регулирует эта социальная группа, достаточно убедительно поддерживает их объективный интерес не только к сохранению, но и к возможно большему росту этого объема. При наших традициях организации и обоснования затратной экономики снижение уровня наркотизма не рассматривается в качестве аргумента для сохранения достигнутого уровня финансирования, не говоря уже об его увеличении. Не способствует этому и старательно сохраняющаяся «непрозрачность» расходования выделяемых средств, поддерживаемая *«острой борьбой между субъектами антинаркотической политики за бюджетные средства с использованием всех возможных методов»* [10]. Не аргумент это и для выделения других социальных ресурсов для решения данной проблемы. Даже, будучи субъективно мотивированным к достижению позитивных результатов на вверенном ему участке антинаркотического фронта, администратор, приставленный к регулированию потока финансовых и других социальных ресурсов, объективно не заинтересован в общем уменьшении и тем более полной ликвидации причины, порождающей этот поток.

Не заинтересованы в этом и работники специализированных подразделений правоохранительных органов, благополучие и само существование которых может быть оправдано только опасным уровнем распространения наркотиков в обществе. Не заинтересованы и остальные работники правоохранительных органов, наделенные значительными административными и правовыми ресурсами, которые они под видом преследования мелких торговцев и потребителей наркотиков могут и нередко используют для решения своих личных проблем [11; 12].

Объективно не заинтересованы в значительном снижении наркотизма и наркомании профессиональные работники специальных медицинских учреждений, чье благополучие также, в конечном счете, зависит от спроса на их услуги и особенно от наличия платежеспособных пациентов. Речь не о субъективных интересах и намерениях конкретных представителей этих социальных групп, а об объективной заинтересованности этих групп в существовании их функциональной сферы деятельности. Не ставя под сомнение искреннее стремление любого принесшего клятву Гиппократу всемерно помочь каждому своему пациенту, нельзя не понимать, что профессиональный долг врача обязывает его лечить человека, а не общество. К тому же «...наметившаяся в последние несколько лет коммерциализация деятельности в области лечения и реабилитации больных наркоманией, и, следовательно, появление новых социальных субъектов, пока не, имеет документального отражения. Деятельность коммерческих организаций вообще и медицинского профиля в частности совершенно не представлена в официальных документах, функционирующих в антинаркотической сфере. Они до сих пор не включены в число полноценных субъектов социальной политики» [10].

Задача, решаемая обществом, — по возможности минимизировать, а точнее, оптимизировать угрозу неизбежного социального урона и прочих социальных издержек, связанных с наркотиками. Неизбежного потому, что общество не может *полностью* устранить любую возможность использования их отдельными людьми. Не может не только физически — наркотические вещества существуют в окружающей людей физической и социальной среде вне зависимости от социальных, тем более, государственных санкций. Современное общество не может полностью от-

казаться от применения наркотиков хотя бы потому, что в них остро нуждается та же медицина [13; 14]. И уже только поэтому оно вынуждено искать способ *оптимизации* социальных издержек существования с наркотиками. Понятно, что решение этой задачи без участия медицинских специалистов невозможно. Но точно так же эта задача не может быть решена только силами медиков.

Не обнаруживают своей заинтересованности в решении этой проблемы и работники системы образования. «...В школе "все хорошо", хотя на крыльце торгуют наркотиками, во дворе колются, а по окончании школы погибают подростки. Такой подход ведет к отрицанию наличия в школе проблемы наркомании, а учителя, как правило, действительно не владеют информацией о реальных показателях вовлечения подростков в процесс потребления наркотиков» [6]. В этих условиях практически единственной социальной группой, объективно, но пока далеко не всегда субъективно заинтересованной в защите общества от наркотиков, являются родители детей, над головами которых нависает эта угроза. Именно эта социальная группа, в каждый данный момент включающая в себя наиболее активную часть общества, потенциально способна сделать своими союзниками большинство других социальных групп и подчинить своему интересу все общество, а вместе с тем и государство, как и прежде, выражающее по преимуществу интересы персонифицирующих его чиновников. Однако между объективным интересом и его субъективным осознанием существует определенная дистанция, преодоление которой требует известных усилий. Пока же приходится видеть, как «моральные паники (представленные в различных формах средств массовой информации и обывденного сознания) приводят к стихийному дистанцированию родителей от пугающей проблемы; к стремлению вытолкнуть ее за пределы систематического внимания и активного конструктивного реагирования» [6].

Преодоление сложившейся ситуации невозможно без достоверной информации о социальных координатах наркотизма и, в первую очередь, *масштабах и динамике* молодежного наркотизма, информации, аналогичной той, которую более четверти века обеспечивает в США общенациональный проект «Мониторинг будущего». В рамках этого мониторинга ежегодно опрашиваются около 45 тысяч учащихся старших классов более полутысячи школ по всей стране, что и позволяет иметь постоянную информацию об этих важнейших характеристиках социального благополучия американского общества [15].

В настоящее время в России для оценки общей численности актуальных потребителей и в частности численности потребителей наиболее опасных наркотиков в целом по стране и в отдельных ее регионах в различных источниках и официальных документах предлагаются показатели, многократно различающиеся между собой, что не может не вызывать сомнений в их достоверности. Внимательные наблюдатели «постоянно сталкиваются с манипулированием показателями распространения наркомании. По оценкам разных экспертов, официальные данные занижены от 5 до 20 раз (!)» [10]. Еще менее достоверны приводящиеся в различных документах показатели *динамики численности* потребителей различных наркотиков, которые можно определить лишь как весьма противоречивые догадки.

Следует различать работу по организации и осуществлению постоянного (ежегодного) наблюдения за уровнем защищенности (или незащищенности) от наркотиков различных подростковых групп и работу по изучению социальных детерми-

нант защищенности и поиску эффективных механизмов защиты общества от наркотических угроз. Первое необходимо, в первую очередь, для обеспечения общества достоверной информацией об одной из важнейших характеристик его социального благополучия. Второе — для поиска объяснения сложившейся ситуации и выработки оптимальных способов коррекции неприемлемых девиаций. Понятно, что информация, получаемая в рамках постоянного мониторинга, необходима и для выработки объяснительных схем. Однако такой информации пока явно недостаточно.

В то же время, имеющиеся концепции и представления об основных факторах детерминации подросткового наркотизма позволяют уже сейчас определить совокупность показателей, фиксируемых в рамках постоянного мониторинга. Понятно, что нынешний уровень отечественных исследований социальных координат и механизмов российского наркотизма оставляет достаточно места для их дальнейшего развития и углубления. Однако вряд ли эта работа будет достаточно эффективной, если в ней не найдет отражения опыт, накопленный зарубежными исследователями. Поэтому одним из главных направлений развития отечественных исследований должно стать освоение основных подходов и методов изучения наркотизма, разработанных зарубежными социологами, и, в частности, участие в международных сравнительных исследованиях.

Вместе с тем, несмотря на внешнюю близость общего уровня приобщенности к наркотикам американских и российских подростков, нынешняя российская ситуация существенно отличается от сложившейся в Соединенных Штатах. Организуя наблюдение за нашим «Российским будущим», мы можем (и должны) опираться на систему показателей, выбранную 25 лет назад (в 1975 г.) организаторами американского «Мониторинга будущего». Такой мониторинг позволил бы более надежно проверить описанные выше тенденции и определить место наркотиков в жизни различных социальных групп, а также вычленить общие и внутрирегиональные особенности наркотизма в нашей стране. Однако то, что эта система была выбрана в условиях общества с иным социально-экономическим положением и явно отличными от наших социально-культурными традициями, подразумевает некоторую коррекцию системы наблюдаемых показателей. Похоже, что опыт осмысления социальных причин подросткового наркотизма, накопленный за последнюю четверть века, также требует определенной коррекции системы показателей, избранной в начале 1970-х гг.

В нашей стране было предпринято несколько попыток использования методики, разработанной сотрудниками Мичиганского университета более четверти века назад и с тех пор ставшей классической [16]. Приходилось работать с ней и нам. Однако, как показал опыт (в том числе и наш) работы с этой методикой, использование ее в условиях России не позволяет получить сколько-нибудь достоверные данные о масштабе и структуре наркопотребления отечественной молодежи. Связанно это с тем, что данная методика, естественно, ориентирована на социокультурную специфику американского общества, во многих своих аспектах отличную от наших социально-культурных традиций.

Весьма существенным обстоятельством эмпирического исследования наркотизма является то, что само по себе употребление наркотиков сопряжено, как правило, с различными формами административного и уголовного преследования, а так-

же с различными видами негативного социального санкционирования и осуждения. Следовательно, для получения достоверной информации исследователю необходимо преодолевать очень высокую латентность изучаемого явления. При этом социокультурный фон, при котором приходится работать, существенно отличается от того, на который ориентировались американские исследователи при разработке своей методики.

В свое время нам приходилось разрабатывать специальную методику выявления уровня причастности респондентов (опрашиваемых) к реальной практике потребления наркотиков. Разработанная нами для уличных опросов [17] серия уточняющих вопросов позволила получить однонаправленный континуум номинальной шестипунктовой шкалы, аналогичной упорядоченной шкале Л. Гуттмана, предназначенной для ранжирования свойств социальных объектов в одном параметре. В соответствии со сценарием интервью, каждый следующий «уточняющий вопрос» задавался лишь тому собеседнику, который своим предыдущим ответом сам «спровоцировал» соответствующее уточнение. Согласно методическому замыслу, возникла ситуация, способствующая освобождению респондента от психологического состояния допрашиваемого (усиливающаяся к тому же анонимностью «случайного» уличного контакта). Этому освобождению способствовало и то, что «уточнению» каждый раз подлежала *не последующая* (повышающаяся) степень вовлеченности в потребление наркотических веществ, *а предыдущая*, о которой респондент уже сам только что сообщил интервьюеру. Такой методический прием позволил достаточно надежно разделить всю наблюдаемую совокупность на шесть групп, упорядоченных по степени вовлеченности в потребление наркотических веществ: от никогда не пробовавших использовать наркотические вещества в медицинских целях до регулярно пользующихся какими-либо тяжелыми наркотиками в настоящее время. Использованная шкала позволила не только выстроить достаточно дробный континуум, но и дала возможность дифференцировать как не потребляющих наркотики (первые три градации), так и актуальных их потребителей (последние три градации). При этом первые три градации для получения данных о природе наркотизма и понимания социальных механизмов его функционирования, пожалуй, оказались даже более информативными, нежели три последующие.

Методика предназначалась для выявления в условиях анонимного уличного опроса поведенческого отношения к наркотикам *населения крупного города*, большую часть которого составляют представители взрослых поколений. Однако, как нетрудно понять, в стенах школы или других учебных учреждений эта методика для обнаружения реального отношения к наркотикам подростков неприемлема, уже хотя бы потому, что в стенах официальных учреждений психологическая атмосфера анонимности не может быть обеспечена теми же средствами, что и в условиях уличного опроса, тем более, когда необходимо получить более подробную информацию об отношении подростков к различным видам наркотиков, чем та, которую получали наши интервьюеры в ходе кратковременных уличных контактов с прохожими.

Следовательно, для получения информации, аналогичной получаемой сотрудниками Мичиганского университета, необходимо более тщательно учесть не просто общий отечественный социокультурный фон, но и его подростковую специфику. Как отмечают отечественные исследователи, «у подростков существуют свои устойчивые понятия "наркомании", "наркотиков", "наркоманов", которые суще-

ственно отличаются от представлений учителей, родителей и других взрослых. Поэтому теряется возможность сбалансированной коммуникации между ними: для детей взрослые находятся за пределами "социально одобряемых норм" по отношению к наркотикам» [6]. Эффективная методика измерения реального уровня и структуры актуального потребления наркотиков может быть выработана только с учетом этого обстоятельства. Эта техника должна не только позволять надежно репрезентировать обследуемую часть общества, но и обеспечивать респонденту значительно большую (по сравнению с обычными опросами) анонимность, что особенно важно для повышения степени доверия опрашиваемых, а значит, и для достоверности получаемой информации.

Организация постоянно действующего общенационального российского «Мониторинга будущего» должна начинаться с его отработки в масштабе отдельного региона. Речь не идет о еще одном, пусть даже репрезентативном для отдельного региона, опросе. Задачи репрезентации определенных групп населения отечественными социологами решаются сегодня на достаточно приемлемом уровне, и вопрос лишь в большей или меньшей экономичности тех или иных способов репрезентации. Главная задача, которую необходимо решить при организации мониторинга наркотизма, заключается в разработке надежной методики выявления отношения подростков к различным видам наркотиков. Без такой методики, пригодной для реализации в регулярных массовых измерениях, а не только для разового применения сотрудниками специальных исследовательских организаций, надежный мониторинг наркотической ситуации невозможен. Методика эта должна иметь существенный запас «морального долготетия», ибо она должна использоваться не только для фиксации нынешней наркотической ситуации, но и для наблюдения за ее динамикой на протяжении многих лет. Разработка такой методики «под ключ», для массового использования, — специальная исследовательская и прикладная задача, решение которой призвано помочь выработке и реализации эффективной социальной политики по отношению к наркотикам.

Решению этой задачи должен предшествовать специальный анализ достоинств и недостатков различных методов, используемых в этой области, специальные поисковые интервью со специалистами по профилактике наркотизма, педагогами, психологами и другими работниками образования, самими старшеклассниками и их сверстниками за стенами школ. Прежде чем предложить искомую методику для ее долговременного массового применения, необходимо проверить в действии («пропилотировать») различные «конкурирующие» между собой варианты. Только после этого можно осуществить массовый *репрезентативный опрос* нескольких тысяч учащихся старших классов, который должен лечь в основу ежегодного регионального, а затем и российского общенационального «Мониторинга будущего». В итоге можно было бы получить надежные данные об уровне наркотизма среди молодежи, но главное — отработать и описать технологию *регулярного* получения необходимой информации в условиях крупного города. Это, в свою очередь, могло бы стать основанием организации независимой постоянно действующей службы российского «Мониторинга будущего».

Одновременно с этим необходимо определить и основные направления исследований социальных факторов и механизмов *защиты общества* от угрозы наркотизации. Как нам представляется, первоочередными должны стать исследования

соотношения и взаимодействия когнитивных (рациональных) и ценностных (эмоциональных) аргументов в формировании механизмов защиты от наркотических соблазнов. Сейчас основной упор в наших отечественных антинаркотических проектах и пропаганде (направленной как на самих подростков, так и на их родителей и все общество в целом) делается, по преимуществу, на апелляции к рациональным аргументам о биологической опасности наркотиков. Апелляция же к эмоциональной сфере и ценностному сознанию строится по преимуществу на основе того же страха перед их биологической опасностью для человеческого организма. И это при том, что когнитивные (рациональные) аргументы, как хорошо известно, на этапе социализации воспринимаются и закрепляются в сознании индивида заметно хуже, чем ценностные (эмоциональные). В общей психологии этим занимаются целые направления, исследующие формы и механизмы перехода когнитивного на эмоциональный уровень и механизмы рационализации ценностных предпочтений. Заметно меньше таких работ в специальных психологических исследованиях, связанных с наркотиками. И уж вовсе трудно найти такие работы в социологических исследованиях наркотизма.

Между тем, исследования реальных механизмов вытеснения наркотиков из ценностного сознания социализирующихся поколений крайне актуальны не только для нашего общества, достаточно неожиданно для себя столкнувшегося с проблемой наркотиков, но и для тех, кто уже давно озабочен этой проблемой. Причем это должны быть исследования не способов вытеснения наркотических соблазнов из индивидуального ценностного сознания отдельного подростка (хотя решение этой задачи также чрезвычайно важно), а их вытеснения из социального (коллективного) сознания общества и, в первую очередь, его социализирующихся поколений.

Насколько нам известно, представления об этих механизмах остаются достаточно неопределенными не только для отечественных, но и для большинства зарубежных исследователей. Противостояние прогибиционистов, настаивающих на усилении запретительных мер против наркотиков, и сторонников их легализации убедительно свидетельствует о неоднозначности существующих представлений о сущности эффективных механизмов защиты общества от наркотической угрозы. Между тем, проблема состоит не в редукции этих механизмов к запрету или легализации наркотиков, а в обнаружении средств минимизации социального ущерба обществу со стороны наркотиков. Накопленные результаты исследований свидетельствуют, что решение этой проблемы не сводится ни к одной из этих альтернатив. Следовательно, ответ на этот вызов придется искать не в повторении привычных упражнений с граблями, а в непредвзятом концептуальном осмыслении достоверной информации о трансформирующейся социальной реальности.

Литература

1. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: Учебное пособие / Под ред. А.Н. Сергеева. М.: УБНОН МВД России, Московская академия МВД России, Изд-во «ЦИТ-М», 2001.
2. Гилинский Я.И., Гурвич И.Н., Русакова М.М. и др. Девиантность подростков: Теория, методология, эмпирическая реальность. Учебно-научное издание. СПб.: Медицинская пресса, 2001.
3. Гилинский Я.И. Социальная патология в современной цивилизации // Криминология: XX век. СПб.: Юридич. центр Пресс, 2000.

4. Кесельман Л.Е. Социальные координаты наркотизма. СПб.: Институт социологии РАН, 1999.
5. Постановление Совета Безопасности «О мерах по совершенствованию государственной политики в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков и распространением наркомании в стране» (сентябрь 2001 г.) // www.narcom.ru
6. Омельченко Е. Доклад по проекту НИСП «Паника и изоляция или знание и помощь? Рост потребления наркотиков среди различных групп молодежи: стратегии общественного реагирования в региональном контексте социальных изменений» // www.nir.ru/socio/scipubl/socjour.html.
7. Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г. Социальное пространство наркотизма. СПб.: Медицинская пресса, 2001.
8. Johnston L.D., O'Malley P.M., Bachman J.G. National survey results on drug use from the Monitoring the Future Study, 1975–1997. Ann Arbor, MI: Institute for Social Research, 1998; Release on Drug Use, 2000 // www.monitoringthefuture.org.
9. Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. СПб.: Изд-во «Питер», 1999.
10. Омельченко Е.Л. Государственное администрирование, гражданская инициатива или коммерческое предприятие? Пути и механизмы включения новых антинаркотических практик в региональную социальную политику. Доклад на конференции НИСП «Социальная политика: реалии XXI века». 24–25 января 2002 г.
11. Кесельман Л.Е. Социально-структурные особенности субъективной защищенности от физического насилия // Социальный контроль над девиантностью в современной России / Под ред. Я.И. Гилинского. СПб.: СПб Ф РАН, 1998.
12. Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г. Субъективная защищенность от насилия // Телескоп. 2000. № 4.
13. Шабанов П.Д. Руководство по наркологии. СПб.: Лань, 1999.
14. Шабанов П.Д., Штакельберг О.Ю. Наркомания: патопсихология, клиника, реабилитация / Под ред. А.Я. Гриненко. СПб.: Лань, 2000.
15. Bachman J.G., Wadsworth K.N., O'Malley P.M., Johnston L.D., Schulenberg J. Smoking, drinking, and drug use in young adulthood: The impacts of new freedoms and new responsibilities. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997.
16. Астахов М.В., Беляева Е.С., Вершина С.В. и др. Молодежь Самарской области в 1998–1999 гг.: современное положение и тенденции развития. Самара: Областной фонд социальных исследований, 2000.
17. Кесельман Л.Е. Уличный опрос в социологическом исследовании. Самара; СПб.: Институт социологии РАН, 2001.